



## Модест ГОФМАН

### <Рец. на кн.:> **Андрей Белый. Пепел**

Изд. «Шиповник». СПб. 1909. Ц. 2 р.

Золотому блеску верил,  
А умер от солнечных стрел.  
Думой века измерил,  
А жизнь прожить не сумел.  
Не смейтесь над мертвым поэтом:  
Снесите ему венок.

Болью отдаются в сердце эти стихи Андрея Белого, обращенные к друзьям.

В этой трагедии *души художника* нет ничего смешного, и всякий истинный друг А. Белого, всякий действительно любивший его творчество, принесет с глубокой сердечной болью венок на его могилу. Трудно верится, что такой необыкновенный, сильный и большой художник умер, но жестокая неумолимая действительность настойчиво твердит: «умер, умер», и, в доказательство, страницу за страницей раскрывает его вторую книгу стихов «Пепел».

Перед свежей могилой вспоминаем мы всю краткую жизнь необыкновенного художника, его ослепительное, праздничное выступление с первой и второю симфониями, с его стихами «Золото в лазури».

Как живые возникают яркие, солнечные образы, изумительно богатые, выпуклые, изумительно художественные. И потом начинается долгий ряд истерик, срывов, обвалов, пропастей, сгубивших художника...

И вот перед нами «Кубок метелей»... А теперь — «Пепел».

В «Пепле» Андрей Белый провозглашает свободу искусства: «Да, и жемчужные зори, и кабаки, и буржуазная келья, и надзвездная высота, и страдания пролетария — все это объекты художественного творчества»<sup>1</sup>. О, конечно? О, если бы Андрей Белый в действительности оставался свободным художником-символи-

том (ибо истинный художник всегда символист, ибо истинное искусство, по самой сущности своей, по природе, символично, и в таком определении искусства бесконечно прав Андрей Белый — Борис Бугаев)!

Но «*действительность* — говорит поэт — всегда выше искусства», «художник — прежде всего человек», и в жертву человека приносит поэт себя — *поэта, художника*. Конечно, и жемчужные зори, и кабаки, — все это объекты художественного творчества, или точнее — могут быть, а могут и не быть объектами художественного творчества. Жемчужные зори, кабаки, невесты могут являться нам как образы жизни и как образы искусства, творчества (и в том, и в другом случае они реальны, и художественный образ может быть еще реальнее образа жизни). Но только во втором случае мы имеем дело с искусством, только тогда, когда жизнь, переживания и образы жизни преломляются в сознании художника в эстетический феномен, мы называем того, кто был прежде человеком-поэтом, художником.

Былой поэт-властитель, Андрей Белый умер как *художник* в «Пепле». Художественные образы редки в этой книге. Если во первых стихах «Пепла» мы еще слышим сильный голос поэта, отчаивающегося в судьбе своей родины, если мы еще находим такие стихи, как «Успокоение», «Жизнь» и другие *chefs d'oeuvre* «Пепла», то это — только остатки бывшего великолепия и они еще более подчеркивают художественную безжизненность сборника. Образы жизни остаются оголенными, необъективированными через фокус художественного восприятия.

Где-то там рыдает звуком,  
Где-то там — орган.  
Подавай селедку с луком,  
Расшнуруй свой стан —

варьируется на бесконечные лады.

Безжизненны и ничего не говорят образы повизгивающего око-  
ло (?) оскалившегося пианино или целый ряд таких образов, как

Я в полях надышался свинцами.  
Ты — кисейным заоблачным мифом  
Пропылишь мне на грудь кружевами,  
Изгибаясь стеклярусным лифом.  
Или душу убил этот (?) грохот?

.....

Ручек матовый мрамор муаром  
Задымишь, запылишь...

Что значит фраза:

Я принял, *разгасясь* в углу.

или:

Звякнет в пол железной злостью  
Там косы сухая жердь.

Дисгармоничность образов, какая-то раздерганность, отсутствие цельности стихотворения часто оскорбляет ухо. Предлагаем читателю проследить стройность и последовательность образов:

Стар садится под оконцем  
Любу обнимать:  
«Задарю тебя червонцем, —  
Дай с тобой поспать!»  
Но в оправе серебряной  
Стукнул грозен перст.  
«— Сгинь», и молоньей зеленой  
Небосвод отверст,  
«Ты, обитель, богомольца  
В скит принять сумей!»  
Но взвивая блеском кольца,  
Прыщет в небо змей.

Безукоризненный стихослагатель, строгий ценитель и критик формы, Андрей Белый теряет власть и над формой, и то здесь, то там у него встречаются недочеты слогов или неправильные ударения в стихе:

Хоть и не без предубежденья

или:

В ресницах стеклянют слезы.

В слове «воздух» Андрей Белый делает ударение на последнем слоге — возду́х. В четырехстопном хоре мы читаем стих:

Вольный ветер гудит с востока,

а в четырехстопном ямбе:

И проигравший игрок

и с проигравшим игроком согласуется стих:

Плясал безумный кэк-уок.

Стих же

Ты смотрел, как лесом березовым

мы никак не можем принять за анапест, между тем как этим размером написано все стихотворение.

Андрею Белому такая небрежность непростительна!

Мы советуем совсем не читать стихотворений, отмеченных в оглавлении звездочкой — «стихотворения видоизмененные, исправленные или развитые». Тяжело не только читать, но и говорить об этих искаженных, когда-то прекрасных, а теперь грубых и плохих, стихах. Что случилось с «Калекой» («Свадьба!»), «Телеграфистом», «Поповой и семинаристом»!<sup>2</sup> Неужели Андрей Белый настолько потерял художественное чувство, чтобы *так* переделывать, *так* перерабатывать свои стихотворения! Вот где поистине

Художник-варвар кистью сонной  
Картину гения чернит  
И свой рисунок беззаконный  
На ней бессмысленно чертит<sup>3</sup>.

Любовь к Андрею Белому заставляет нас воздержаться от приведения параллелей. Да простит нам читатель:  
Слишком тяжела эта попытка друзьям поэта.

